

**Константин
Шабалдин**

Шагатели

Константин Шабалдин
Шагатели. Книга первая

«Издательские решения»

Шабалдин К.

Шагатели. Книга первая / К. Шабалдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745446-3

Действие разворачивается в будущем, в резервации, созданной много лет назад на месте бывшей научной базы, в которой проводились эксперименты по евгенике. Целью экспериментов было улучшение интеллектуальных способностей человека путём генетических корректив. Главный герой, шагатель по кличке Башмак, должен спасти своего друга, шагателя Тапка, который проник в запретные земли и узнал о существовании внешнего мира.

ISBN 978-5-44-745446-3

© Шабалдин К.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	9
3	11
4	12
5	14
6	15
7	17
8	19
9	21
10	23
11	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Шагатели

Книга первая

Константин Шабалдин

Совпадение с реальными именами случайны, все события вымышлены.

Мы думали надо менять страну, а оказалось надо менять планету.

Неустановленный эмигрант из СССР

© Константин Шабалдин, 2024

ISBN 978-5-4474-5446-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Дверь закрипела с подвыванием и просыпаясь, Башмак подумал, что не будет он петли смазывать. Вот ещё. Наоборот, надо и в ставни песку насыпать, чтобы так же визжали. Чтобы никто по-тихому к нему в халупу пролезть бы не смог. А то ездят тут некоторые... Он откинул дерюгу, которой укрывался с головой и резко сел на топчане.

В дверной проём пыталась втиснуться девочка-арка на инвалидном кресле. У неё бы получилось, но был ещё и порожек, специально вбитый Башмаком между косяками. Злобно поглядывая, девочка встала на рахитичные ножки и, придерживая одной рукой голову на тонкой шейке, другой вкатила кресло в комнату. Снова уселась, отдуваясь. Устала. Башмак заспанно хлопал глазами и ковырял в носу. Дескать, что с нас лебов взять, хорошим манерам не обучены.

– Шагатель, ты нужен заведующим, – надменно произнесла девочка. – Они ждут тебя после вечерней службы.

– Непременно буду, – испуганно ответил Башмак. – Во имя Колеса Изначального.

– Во имя Обода Его, – девочка осенила себя Ободом Колеса и Башмак торопливо повторил жест.

Помолчали. Девочка, не скрывая любопытства, разглядывала сваленное в углу походное снаряжение – сапоги, рюкзак, песчаные лыжи... Башмак встал, подтянул шорты и, шлёпая босыми ногами по доскам, подошёл к гостье. Она уставилась на его мускулистые ноги.

– У тебя всё, благородная ари? – вежливо спросил он.

– Всё, шагатель, – ответила девочка.

– Благодарю тебя за след колеса.

Башмак почтительно взялся за спинку кресла, развернул и выкатил девчонку из хижины. В последний момент не удержался и специально резко толкнул через порожек, так что крупная голова в кудряшках смешно дёрнулась вниз и арка ойкнула. А что поделаешь, если мозгов до фига, подумал Башмак.

Он легонько подтолкнул кресло и дальше по пыльной улице, напоследок сердито зыркнув, девочка покатила сама. К нему подъехала соседка, тётя Шура. Коляска у неё была на антигравитационной подушке, а солнечные батареи на крыше дома давали хоть и слабенькое, но стабильное электрическое освещение. Тётя Шура, одна из немногих аров на Главной Станции, кто относился к нему по-человечески. Не как к безголовым ахам, которые на трёхколёсных мотоповозках с утра до ночи трудились в поле. Башмак часто помогал ей в огороде и не брал платы за доставку почты. Она помнила его родителей, приличных аров, у которых, вот беда, родился шагатель. В тонкой руке соседка держала сухарь, намазанный джемом.

– Возьми, Башмачок, полакомись, – сказала тётя Шура.

– Колесо спасёт тебя, тётя Шура, – поблагодарил Башмак, вгрызаясь в угощение.

– Да брось ты! – засмеялась тётя Шура и, лихо крутнув коляску, поплыла к себе во двор.

Она была очень старая и уже не боялась ни заведующих, ни Колеса, ни Обода его.

Башмак, загребая пыль босыми ногами, потопал к Лабораториуму. Дверь и ставни он запирать не стал. Всё самое интересное с последней ходки он надёжно припрятал, а если стража заведующих захочет заглянуть к нему, не следует лишний раз дразнить одноногих. У них и так служба не лёгкая – на дежурство им колясок не выдают, на костылях скачут.

2

Последнюю банку консервов Паркинсон открыл бережно, не пролив, несмотря на трясущиеся руки, ни капли томатного соуса. Он отогнул крышку, облизал нож и, как мог скорее, на дрожащих ногах, отошел от стола, чтобы не вдыхать упоительный пряной рыбный запах. В углу сел в плетёное кресло, постарался успокоиться.

– Анечка, внучка, – позвал он. – Иди кушать.

На разболтанной инвалидной коляске в комнату въехала девушка с такими же, как у деда иссиня-чёрными волосами, взяла со стола открытую банку, ложку, подъехала к старику.

– Ешь, – требовательно сказала она и зачерпнула рыбную фрикадельку, поднесла к губам Паркинсона.

И только после того как старик начал жевать, уже следующую ложку отправила в рот себе. Так они и ели – кусочек ему, кусочек ей. Паркинсон виновато смаргивал и с тревогой следил за быстро пустеющей банкой. Аня платком вытерла ему подбородок, выбросила пустую банку в ведро, съездила в другую комнату за пледом, вернулась и укутала старику ноги. Паркинсон сидел и трясся, и проклинал себя за беспомощность.

– Я не смогу дойти до Главной Станции, – в который раз повторил он. – И ты не сможешь.

– Я знаю, – ответила Аня. – Но я могу попробовать.

– Нет, – ещё сильнее затрясся старик. – Я тебе запрещаю.

– Но тебе нужно лекарство. И еды совсем не осталось.

– Я вскрою Дар Колеса.

– А вот это я тебе запрещаю, – прошептала Аня. – Ты же знаешь, что с тобой тогда заведующие сделают.

– Мне плевать.

– А мне нет.

Она решительно встала. Сделала несколько неуверенных шагов по комнате. Поморщилась.

– Всё же тебе надо было позволять мне иногда ходить. Хотя бы когда мы одни, – сказала Аня.

– Могли увидеть.

– Кто? У нас же гостей не бывает. Да и кому к нам в гости ходить?

Старик знал, что она права. На Подстанции кроме них проживали только две семьи аров. А ары к лебам в гости не ходят. Но могли случайно заглянуть тупые ахты.

– Я не хотел, – сказал Паркинсон. – Я очень не хотел, чтобы ты стала шагателем.

Он заплакал, и Аня подошла к нему, обняла за плечи.

– Дед, ну не получилось бы скрывать это вечно. Если уж я родилась шагателем, значит на то воля Колеса.

– Воля Колеса! – с невероятным сарказмом передразнил её старик. – А почему не телеги? Или велосипеда?

– Не кошунствуй, – строго сказала Аня. – И я не знаю, что такое велосипед.

– Разумеется, – захихикал Паркинсон. – В безногом мире велики не нужны.

– Тебе срочно нужно твоё лекарство, – печально сказала Аня. – Ты опять начинаешь... фантазировать.

– Ты хотела сказать «бредить». Чего уж там, давай, все же знают, что я давно из ума выжил!

– Дедушка, – Аня прижала его голову к груди, но Паркинсон оттолкнул её.

– Шестнадцать лет я скрывал от всех, что ты можешь ходить. Чтобы у тебя было нормальное будущее, чтобы ты не стала изгоем в этом дурдоме, могла нормально выйти замуж,

может быть даже стать заведующей... С твоими способностями это было бы не сложно! А ты хочешь всё разрушить.

– Не забывай, что нам просто нечего жрать, – тоже раздражаясь, но ещё сдерживая себя, сказала Аня. – Сегодня. Сейчас. А не когда-нибудь.

– Хорошо, – спокойно сказал Паркинсон. – Продай соседям нашего ахта. Продай за половину цены.

– Хорошо, – согласилась Аня, снова залезла в кресло и выехала из комнаты. Она не стала говорить, что продала единственного ахта ещё неделю назад.

3

Служба уже заканчивалась, когда Башмак зашел в полуразрушенное здание Лабораториума. Без малого пятнадцать лет прошло с Дней Гнева Колеса, а руины так и не отстроили. Сквозь дыры в крыше солнечные лучи били прямо в алтарь. Заведующий Александр Борисович раскрутил позолоченное колесо, закреплённое над алтарём, в котором по преданию хранились подшипники Колеса Изначального. Яркие блики весело поскакали по молитвенному залу. Народ потянулся к выходу. Ары, как и положено, выезжали первыми. Те, у кого кресла были самоходными, на ходу доставали шахматные доски, расставляли фигуры. Лебы, на колясках попроще, теснились в ожидании. Башмак тоже посторонился и поймал на себе цепкий взгляд заведующего. Александр Борисович, завершая службу, двуручно осенил разъезжающихся прихожан Ободом Колеса и сразу кивнул шагателю здоровенной башкой – двигай сюда.

Башмак протиснулся между колясками, робко приблизился к заведующему, махнул перед собой ладошкой, изобразив Обод Колеса. Заведующий укоризненно взглянул на него и медленно сделал ритуальный жест в соответствии с Завещанной Инструкцией: вытянув руку перед собой раскрытой ладонью вперёд, нарисовал в воздухе окружность. Башмак старательно повторил.

– Здравствуй, шагатель, – сказал Александр Борисович.

– Здравствуйте, заведующий, – почтительно ответил Башмак.

– С тобой будут говорить Спицы Колеса.

И, ласково улыбнувшись обомлевшему шагателю, заведующий развернул свою коляску и покатился вглубь Лабораториума, за алтарь с крутящимся колесом, туда, где в сумраке угадывался коридор. Башмак, обмирая от страха, поплёлся следом. Ни разу в жизни он ещё не заходил за алтарь. Немногие из аров удостоивались такой чести, а лебы и к алтарю-то не всегда близко подходили. Сапоги хоть надо было надеть, подумал Башмак, чё же я, босиком-то.

Коридор оказался очень длинным, было непонятно, как он помещается в небольшом здании Лабораториума. Разве что под землёй тянется, размышлял Башмак. Навстречу им проехали двое незнакомых шагателю заведующих, с интересом взглянули на него. Он, как мог на ходу, почтительно раскланялся. Вдруг заведующий резко остановился перед неприметной дверцей, оглянулся на шагателя, тихонько постучал.

– Да! – сердито крикнули из-за двери.

Александр Борисович толкнул дверь, въехал. Башмак шагнул за ним и замер на пороге.

– Дверь закрой! – рявкнули на него. – Сквозит.

При этом Спица Колеса не оторвал взгляд от шахматной доски. Он ёрзал в своём кресле, хватался за колёса, то отъезжая на полшага от маленького столика, то снова подъезжая вплотную, потом отпускал колёса и принимался яростно массировать себе уши.

– Не психуй, – насмешливо сказал ему партнёр, постукивая пальцами по часам.

– Я не психую!

– Психуешь...

– Да не психую!

– Время...

– Да погоди!

– Время.

– Ну, сейчас!!

– Время!

Он торжествующе рассмеялся, а проигравший Спица Колеса зло повалил своего короля на доску.

– Ты всегда в эндшпиле по темпу проваливаешься.

– Да я ладьи просто сдвоить не успел!

– Я и говорю – темп просаживаешь.

Они сыпали непонятными шахматными терминами, а Башмак изумлённо разглядывал этих стариков, о которых ходили страшные легенды, которых боялись и которыми восхищались, и которые сами по себе были живыми легендами. Он видел их всего несколько раз в жизни, издавека, на больших праздниках. Тогда, в ритуальных одеждах, они казались ему исполненными величия, а сейчас перед ним были два очень старых человека, маленьких, невзрачных и даже казалось, от них пахнет тленом, хламом и плесенью. Нет, не казалось. Точно – мочой воняло.

– Шурик, кто это? – наконец соизволил на них обратить внимание тот, кого Башмак про себя назвал Психом.

– Это Башмак, – просто ответил Александр Борисович. – Шагатель.

– Ах, шагатель, – Псих поманил Башмака пальцем. – Подъедь-ка, пацанчик.

Башмак приблизился.

– Слушай, шагатель, – сказал Псих. – А ты не хочешь палачом поработать? Мы тебе ахта подарим.

3

Как только дед задремал, Аня взяла корзинку и выехала из дома. Она проехала мимо особняка аров Малинниковых. Это были добрые люди и, с тех пор как расхворался Паркинсон, они уже несколько раз выручали Аню продуктами. Они же купили у неё ахта. И не за полцены, а по нормальной стоимости. Вот только деньги кончились быстрее, чем Паркинсон поправился. Просить что-либо у Малинниковых ещё раз Ане было невыносимо стыдно.

Она подъехала к коттеджу Любовь Петровны, вредной арки средних лет, одинокой и склочной, которая вечно норовила недоплатить Паркинсону за доставленный товар. Из открытых окон доносилась музыка. Любовь Петровна была меломанкой. Патефон играл аргентинское танго. Аня представила, как надменная арка сама с собой вытанцовывает танго, нарезая коляской круги в тесной комнате, и ей стало весело.

– Ари Люба, – позвала она и постучала в тонкую дверь. – Это я, Аня.

Музыка оборвалась, дверь распахнулась и навстречу Ане выкатилась Любовь Петровна. Раскрасневшаяся и тяжелодышащая. Точно, под музыку круги нарезала, подумала Аня.

– Где твой дед? – с ходу завелась арка. – Уже месяц у меня не было свежей почты! Я не получаю письма из Главной Станции, а у меня не закончена партия по переписке с их заведующим. Я не получаю «Шахматный вестник» с новыми этюдами, я не решаю задачи, я тупею! У меня сенсорное голодание. Ты хоть знаешь, что это такое?

Климакс у тебя, ведьма, подумала Аня и сказала:

– Дедушка приболел, ари Люба.

– Так что?! Из-за старого паралитика я должна травиться консервами из Дара Колеса? Мне необходимо нормальное питание, я готовлюсь к чемпионату. Мне нужна свежая рыба и фрукты. Если твой дед больше не может снабжать нас как раньше, пусть подаёт в отставку, Спицы пришлют нового шагателя. Во имя Колеса!

– Во имя Обода Его! – откликнулась Аня и жалобно продолжила. – Ари Люба. Дедушке нужны лекарства. Не могли бы вы одолжить нам немного денег?

– Какая дерзость! – завопила арка. – Эти лебы совсем обнаглели, скоро на наших колясках ездить начнут. Слушай, деточка. Если твой дед сегодня же не отправится на Главную Станцию, я не знаю, что сделаю!!!

Если никто не отправится на Главную Станцию, то и, ты и Малинниковы скоро и сами начнёте с голода подыхать, подумала Аня. Деньги кончатся, жратва кончится, а на Главной Станции и месяц, и два, и полгода никто не хватится, что старый Паркинсон давно не захаживал. Может, он стал из Автопарка товары носить. Хоть и дальше, зато дешевле. А картошки с огорода Малинниковых может на неделю хватит, не больше.

Любовь Петровна продолжала орать, а Аня медленно встала, скинула высокие сапожки и подняла длинную юбку выше колен, обнажая ноги. Не сильно мускулистые, как у бывалых шагателей, но и не рахитичные, с атрофированными ступнями. Арка захлопала глазами, заткнулась и только шлёпала по инерции губами.

– Ари Люба, я ваш новый шагатель. Давайте деньги, я схожу на Главную Станцию и принесу вам письма, журнал и продукты. Только давайте сразу и предоплату и расчёт.

Поражённая Любовь Петровна молча вытянула из лифчика несколько купюр и подала Ане. Девушка взяла деньги, уселась в кресло, потом усмехнулась, встала, натянула сапоги и пошла неуверенной походкой прямо к терминалу Дара Колеса, расположенному неподалёку. Засунув деньги в щель приёмника, набрала на табло комбинацию цифр. В лоток посыпались консервы, конфеты, пачка сухарей и упаковка чая. Она бережно перегрузила всё в корзинку и поспешила домой. Надо было успеть сбежать до того как проснётся дед.

А Любовь Петровна смотрела ей вслед и почему-то плакала.

4

Дождавшись сумерек, Башмак прокрался к изолятору и присев под зарешённым окошком, позвал:

– Тапок! Эй, Тапок!

– Кто здесь? – раздался хриплый голос.

– Это я, Башмак.

– А, Башмачок, – слышно было, что Тапок улыбнулся. – Навестить пришёл?

– Ага, навестить, – зло ответил Башмак. – Ты скажи мне, ты что такое отчебучил, что Спицы тебя казнить решили?

– Всё-таки казнят? – прохрипел Тапок. – Ах, суки! Я думал, всё же обойдётся...

– А вот не обошлось.

– Жаль.

– Жаль.

Они молчали, каждый думая о своём.

– Я за Обод Колеса хотел уйти, – наконец произнёс Тапок.

– Что?! – изумился Башмак. – Да как же? Там же нет ничего! Вечная тьма...

– Ты сам-то в это веришь?

– Веришь, не веришь – какая тебе теперь разница. Колесовать тебя хотят. Во имя Колеса, сам понимаешь, Изначального, – Башмак зло сплюнул.

– Колесовать?! Ой-ё... Во как я их достал. А ведь давно казней не было, я уж думал, угомонились.

– Давно. Так давно, что палач-то у них и помер.

– Одноглазый?

– Ага, – Башмак помолчал и всё же добавил. – Они мне предлагают... это. Казнить тебя.

– Тебе? – Тапок заржал. – Вот затейники.

– Смешно тебе? – возмутился Башмак.

Он встал, вцепился в прутья решётки так же, как с той стороны Тапок. Заглянул ему в глаза. Глаза у Тапка ярко блестели в свете заходящего солнца.

– Ну, ты согласился? – с интересом спросил Тапок.

– Подумать обещал.

– Молодец, взрослеешь...

– Зачем ты к Ободу пошёл? Вот скажи мне, зачем?

– Знаешь, – сказал Тапок, – совсем неважноту стало. Рожи эти, Колесо это, заведующие, стража их. Таскаешь им, таскаешь, а они в шахматы сука играют! Мозгов у каждого телега, а они играют. Вот у соседки твоей, тётки Шуры, коляска по воздуху летает! Антигравитация! Это же кто-то придумал и смастерил. А кто? Не лебы же! Мастер Гоша, он починить, конечно, всё может. Но придумать? И самое главное – Дар Колеса. Откуда берутся консервы, лекарства? Кто их сделал? Нет, это значит, что есть где-то ары настоящие, которые в дело свои мозги расходуют. Вот для таких и шагать не стыдно. Для таких и побегать смысл есть.

Да он же больной, подумал Башмак. У него отлегло от сердца. Надо просто объяснить Спицам, что Тапок сошёл с ума и никого не надо казнить. Как же хорошо всё складывается. На суде он выступит, и Тапка отправят в Лечебницу. Ясно же, не мог нормальный до такого додуматься, за Обод Колеса уйти!

– Ты, Тапок, успокойся, – сказал он. – Не горячись. Я кое-что придумал. Может ещё обойдётся. Я к тебе завтра зайду.

Сказал и быстро зашагал к себе, прочь от изолятора. Пока сумасшедший не начал опять о смысле рассуждать. О смысле пускай заведующие думают, у них головы большие.

Он пришёл к себе в хижину и сразу завалился на топчан. Спать хотелось ужасно. Встреча со Спицами здорово его вымотала. Но как только Башмак закрыл глаза, сразу закрипела дверь. Да что ж такое, во имя Колеса! Утром гости, вечером гости...

– Хозяин, – в хижину пытался въехать ахт. – Хозяин, я тебе принёс.

Он бы никогда не сообразил, вручную перетащить кресло через порожек. Да и ножки у ахтов совсем слабые. Вот и ёрзал в дверях, протягивая Башмаку какой-то клочок бумаги.

– Возьми хозяин, – жалобно мычал ахт. – Тебе хозяин Тапок передать велел. Я ему еду носил. Я ему сено спать носил. Он ел, на сено спать ложился, тебе бумажку передавал. Возьми.

Так это же служитель при изоляторе, сообразил Башмак. Он встал, забрал у ахта мятый листок.

– Вали отсюда, – сказал он и рассмотрел, что ему принёс безмозглый.

Это была карта. Карта, на которой кто-то нарисовал пунктиром проход через зыбучие пески к Ободу Колеса.

5

Дорогу на Главную Станцию Аня помнила хорошо. Когда она была совсем маленькой, дед боялся оставлять её дома одну и таскал с собой в рюкзаке. Паркинсон был тогда силен и кроме Главной станции ходил в Автопарк, Казарму и Комендатуру. И звали его не Паркинсон, а Ботинок. Жили они в достатке, ни в чём себе не отказывали, даже книжки покупали. Но со временем количество ходок пришлось сократить к одной только Главной Станции. До неё было ближе всего. Если присмотреться, то на горизонте можно различить силуэт Лабораториума с провалившейся крышей. По прямой ерунда, за час можно дойти. Но по прямой ходить нельзя, затянут зыбучие пески, никакие лыжи не помогут. На лыжах можно краешком пробраться, да и то, если совсем уж другого пути нет.

Аня скинула с плеч рюкзак и уселась на него, тяжело дыша. Она знала, что идти ей будет трудно, но не представляла, что это будет невыносимо тяжело. Она не прошла и половины пути, а неокрепшие ноги уже тряслись как у Паркинсона, сердце молотилось в груди так, что казалось, хочет выпрыгнуть через горло, а в голове как будто стучали молотки. А ведь сейчас она несла пустой рюкзак, в нём была только бутылка с водой. Аня с ужасом подумала о том, как пойдёт обратно с грузом. Если вообще дойдёт до Главной Станции. Ей захотелось заплакать, поэтому она встала и пошла.

Неудобные сапожки, предназначенные для сидения в кресле, а не для ходьбы, вязли в песке по щиколотку и каждый шаг приходилось делать с большим усилием. Начинало смеркаться. Аня планировала переночевать на Главной Станции, а теперь получалось, что спать ей придётся в пустыне. Ночью в пустыне очень холодно и могут появиться песчаные волки. Ни оружия, ни тёплых вещей, ни спального мешка у Ани не было. Не сделал и десятка шагов, она снова без сил упала на колени. Губы сами зашептали молитву:

*– Колесо Изначальное, укажи мне Путь.
Минуй меня Ободом своим,
Не лиши меня тени своей и проложи колею.
Пусть будет смазана Ось твоя,
Пусть не коснётся тебя Ржавь,
Пусть будут крепки Спицы твои.
И избавь нас от Гнева Твоего...*

Аня помолчала, слушая шорох ветра в дюнах. Она открыла глаза и увидела, что косые лучи заходящего солнца очень чётко тёмными пятнами обозначили места, где залегали зыбучие пески. А между ними светлой ниточкой тянулась тропинка туда, к горизонту, к Главной Станции.

– Хвала тебе Колесо, спасибо, – сказала Аня и встала.

Молитва как всегда придала силы и уверенность. Теперь, по прямой, она как-нибудь непременно дошагает до Главной Станции. Она же шагатель! Она должна носить почту и товары, слушать и рассказывать сплетни, приторговывать левым грузом, шарить в развалинах и находить старинные предметы, не потерявшие ценности, ещё надо иногда напиваться и драться с другими шагателями, но ей это видимо не обязательно, она же девочка.

Аня осторожно ступила на открывшуюся тропу. Сделала шаг, другой. Надо было спешить, пока не зашло солнце и так хорошо проглядывался проход между ловушками. Здесь грунт был гораздо плотнее, идти стало легче, она зашагала увереннее и тут же, сделав неверное движение на непривычных к ходьбе ногах, провалилась.

6

Выпроводив ахта, Башмак прикрыл ставни и долго разглядывал карту, подсвечивая фонариком. Для такого дела батареек не жалко. Карта была нарисована филигранно, ясное дело, что это кто-то из ахтов рисовал. Под Колесом не было и нет рисовальщиков лучше этих тупых скотов пригодных лишь для грубой работы. Но, как только появится у них свободная минутка – хватают своими лапищами огрызок карандаша и рисуют, рисуют... Но вот кто набросок делал? Тапок? Или Тапку самому неведомо как попала в руки эта карта и навела на крамольные мысли о побеге за Обод?

Запретные земли возле Обода на карте были густо заштрихованы. Это понятно, никто там никогда не ходил. Но вот Казарма и Комендатура, Обсерватория, Склады и даже КПП были нанесены удивительно чётко, с подробностями расположения известными лишь шагателям. И везде пунктиром бежали тропинки через зыбучку, через самые гиблые места и главное, непостижимо, но такой же пунктир пролегал через заштрихованный участок и даже дальше, за Обод! И даже какой-то населённый пункт был обозначен уже за Ободом!!

Башмак забыл, что ещё пять минут назад мечтал лишь о том, чтобы выспаться. Ему необходимо было проверить достоверность карты. Немедленно. Он прямо сейчас сходит на Подстанцию. Если верить карте, туда есть совсем короткая дорога. Заодно узнает, почему так давно на Главной Станции не появлялся старый Паркинсон.

– Ну, Тапок, – пробормотал Башмак, глянув в сторону изолятора.

Над изолятором вставала луна, надо было спешить. Он подхватил рюкзак, песчаные лыжи, из тайника достал кое-что из контрабанды и, сунув карту за пазуху, вышел из лачуги. Остановился. Сбросил рюкзак на землю, вернулся. Вспомнилась первая заповедь шагателя – уходишь на день, припасов бери на неделю.

Подошёл к железной печке и из закопчённой кастрюли наскрёб в полиэтиленовый пакет холодной каши. Мы люди простые, подумал, консервы пушай ары трескают, нам не по карману. Завернул, сунул в карман куртки. Присел на дорожку. Бутылка с водой в рюкзаке, спички, фонарь... Вот теперь можно было идти. Он снова вышел, неплотно прикрыл дверь, повесил почти пустой рюкзак на одно плечо, на другое положил лыжи и почапал по пустой улице. Главное на стражу не нарваться, а то прилипнут с вопросами одноногие.

Когда Башмак проходил через площадь у Лабораториума, то заметил сваленные брёвна и доски, свежевыкопанную яму под столб, бухту каната. Остановился.

– Это что же? – изумился Башмак. – Суда ещё не было, а уже к казни готовимся?

Он зло сплюнул, подошёл к груде стройматериалов, выбрал длинную прочную рейку. Закинул на плечо к лыжам до кучи.

– А катитесь вы в жопу, господу заведующие, – прошептал Башмак и быстро пошагал в сторону Подстанции.

Как только начались дюны он встал на лыжи, в свете луны сверился с картой и, тщательно прощупывая рейкой грунт перед собой, двинулся по тайной тропе. Идти было трудно, мешали лыжи, но бережёного Колесо бережёт. Карта не врала. Почти прямая тропа вела его через зыбучку. А в самом конце тропы, по пояс увязнув в песке, торчала черноволосая девчонка, как её сюда занесло бедную? У меня и лопатки нет с собой, лихорадочно думал Башмак, ускоряя шаг. Коляску её ни за что не откопаю, саму бы вытащить, а то ещё подмогу придётся звать... А если и выташу на себе её тащить, что ли?

– Как же вы так, благородная ари? – спросил Башмак, скидывая рюкзак и доставая бутылку с водой.

– Я не ари, Башмак. Ты что забыл меня? Я внучка Паркинсона, – ответила девчонка. Бодро ответила, хоть и глаза заплаканные.

– Анька? – поразился Башмак. – Ты зачем сюда прикатила? Что случилось-то?

– Я не прикатила. Но ты меня сначала откопай, а потом я тебе всё расскажу. А то мне холодно очень.

7

Мастер Гоша, владелец единственного на Главной станции электрогенератора, с тоской разглядывал жалкие остатки богатого когда-то набора запчастей. Трудные времена нынче, редуктор для мотоколяски и тот не сыскать, хоть колесом катай, хоть спицей ковырай! Он сердито смахнул с верстака в ящик мелочёвку, переложил на наковальню ржавую рессору и поехал поглядеть, кто там на площади додумался дрова рубить спозаранку. Умышленно бортанув коляску замешкавшегося у него на пути ахта-подмастерья, он выехал из кузницы.

На площади плотники шустро сооружали эшафот. Уже вкопали столб для колеса и теперь сколачивали помост для особо важных персон. Один из ахтов перегнувшись в трёхколёсной коляске вырубал топором колья зловещего вида, другой собирал их и как дрова скидывал в кучу. Двое других, уперевшись скошенными лбами в здоровенную деревянную колоду, закатывали её на эшафот. Руками они вращали колёса своих колясок, но шины проскальзывали и ахты буксовали.

– Боком, боком же надо, – простонал Гоша. – Вот ведь тупые.

Он не заметил, как к нему бесшумно приблизилась тётя Шура и пихнула его коляску совсем так же, как он только что толкнул своего подмастерья.

– А ты бы Гошенька помог, – зло сказала тётя Шура. – Советом или ещё лучше делом. Ты у нас леб мастеровитый.

– А я-то чего? – сразу испугался кузнец.

– Ты ничего. Все вы ничего, – тётя Шура внимательно посмотрела на лебов собравшихся на улице. Многие опустили глаза. Тётя Шура дёрнула джойстик управления и, подлетев чуть ли не на метр, умчалась через площадь, разметав опилки и стружки. Ахту-плотнику запорошило глаза и он радостно рассмеялся.

– Ишь газует, – одобрительно сказал Гоша. – Завтра прилетит аккумуляторы заряжать.

Он выехал на середину улицы, покрутился выбирая лучшую точку обзора, ещё раз оглядел площадь, спросил:

– А это чё, вообще-то?

– А это Тапка колесовать будут, – мрачно ответил Коля-кондитер.

– Тапка? – поразился Гоша. – Зашибись! Последнего толкового шагателя угробить собрались. Кто ж останется? Башмак? Молодой ещё. Ну, заведующие, вот же затейники...

– Ты бы потише про заведующих, – тихонько сказал Коля.

– Иди лепи пирожки «картошка», – презрительно ответил кузнец.

К собравшимся, нарочно громко пыхтя, на костылях подошёл стражник. Все посторонились, отъехали, но он остановился, достал платочек, промокнул потный лоб. Скучающе стал рассматривать лебов. Гоша начал потихоньку задом въезжать обратно в кузницу.

– Правильно, – одобрил стражник. – И вы, верноколёсные, разъезжались бы. Ничего пока тут интересного нет. Когда интересное начнётся, позовут. Во имя Колеса! – рявкнул он напоследок и лебы, замахав ладошками, залопотали:

– И Обода, и Обода...

Улица быстро опустела, только скрип колес ещё долго слышался со всех сторон.

– А ты обожди, – сказал стражник кузнецу. – После дежурства тележку свою в участке забери, к тебе заеду. Ось надо поменять.

– Нету осей, – сокрушённо сказал Гоша. – Последнюю на той неделе Александру Борисовичу поставил.

– А ты найди, – усмехнулся стражник.

– Так ведь нету! – Гоша прижал руки к груди. – С тех пор как запрет вышел шагателям по развалинам поиск производить, так и не стало запчастей. Синей изоленды, и той нет! И о чём только заведующие думают?!

– Ты что сказал? – грозно спросил стражник и сильно ткнул кузнеца костылём в грудь. – Заведующих ругать?! Да ты кто таков, паскуда?!!

– Не ругал, не ругал я, – морщась от боли, запричитал Гоша.

– А я слышал. Обидел ты меня. Ось менять не хочешь, заведующих ругаешь, а они ночей не спят, в шахматы не играют, о нас думают. О благе твоём, подлеца, пекутся. Поехали в изолятор.

– Не губи, – застонал Гоша. – Я тебе ось найду. Самую лучшую.

– Другое дело, – довольно произнёс стражник. – Ищи. Можешь свою вынуть. Или на развалины сбегать, поискать.

Довольный своей шуткой стражник заржал и поковылял вдоль улицы. Мастер Гоша с ненавистью посмотрел ему вслед и сказал:

– Да если бы я бегать мог, разве сидел бы я здесь? Разве терпел бы вас, уродов?

8

Паркинсон проснулся задолго до рассвета. Последние годы он почти всегда просыпался очень рано, а заснуть мог и днём, как правило в самое неподходящее время. Вот и теперь проспал, подумал он, когда увидел на столе оставленные Аней продукты. Шестнадцать лет таился, изворачивался, врал и внучку заставлял врать, а теперь взял и проспал. Он взял со стола соевый батончик, развернул и стал медленно жевать.

Он слышал, как с первыми лучами солнца Малинниковы выгнали в поле ахтов и сами принялись, гремя вёдрами, поливать картошку в огороде. Небогатые ары не чурались грязной работы. А вот Любовь Петровна хорошо зарабатывала публикациями в «Шахматном вестнике» и могла спать допоздна и слушать патефон в любое время. Наконец Паркинсон дождался, когда захрипел подвешенный на стене репродуктор. Проводное радио провели на Подстанцию всего несколько лет назад, и у старика выработалась привычка слушать по утрам новости. Сначала прозвучала торжественная музыка, потом искаженный помехами, донёсся голос Андрюшки Кулешова, ведущего «Круглого часа».

– Приветствую вас, верноколёсные. Во имя Колеса и Обода Его с последними новостями Андрей Кулешов из радиорубки Лабораториума, – обычно дурашливый голос журналиста звучал так торжественно, что казалось, Андрюшка пукнуть собрался. – С ликованием в сердце спешу сообщить вам, и благородным арам, и уважаемым лебам, что настал момент торжества подлинной веры. Сегодня состоится суд над еретиком, презренным шагателем, всем известным Тапком, который долго и лицемерно скрывал от нас свою подлую сущность.

На словах «презренным шагателем» Паркинсон поморщился и стукнул кулаком по столу. Снова поморщился, уже от боли в поражённых артритом суставах, и продолжил слушать, как надывается Кулешов.

– Как уже многим известно, Тапок был изловлен при попытке проникнуть за Обод Колеса. Страшно представить, какие кары ниспослало бы на нас всех высшее божество, если бы мерзавцу удалось проникнуть за полосу зыбучих песков, в царство вечной тьмы. Все мы помним дни Гнева Колеса, когда огонь падал с небес и как мы хоронили погибших... Тапок нарушил одну из главных заповедей Инструкции: «Верноколёсный навеки прибудет внутри Обода очерченного Колесом, ибо за Ободом смерть, пустошь и царство крылатых демонов».

Паркинсон засмеялся и взял ещё одну конфету. Не развернув обёртки снова положил на стол, с трудом встал и поставил железный чайник на спиртовку. Долго чиркал спичками, разжигая фитиль. Надорвал пакетик с чаем и всыпал заварку прямо в чайник. И без сил снова уселся за стол.

– У нас в студии в гостях победительница прошлогоднего конкурса красоты Леночка Азарова, – продолжал надрываться Андрюшка. – Скажите, Лена, как вы относитесь к поступку шагателя?

– Ну, выродок, чё. Осуждаем мы все, – сказала Азарова хрипловатым голосом. – Ну, то есть, мы все его осуждаем. Не правильно это.

– И какой кары заслуживает, по вашему мнению, этот враг всех истинно верноколёсных?

– А чё я то? – сразу возмутилась Леночка. – Это Спицы пускай решают! Вот суд будет пускай и приговаривают.

Послышался шорох. Это Кулешов, вместо того, чтобы отключить микрофон, просто прикрыл его рукой и начал сердито выговаривать Леночке. Его слов было не разобрать, зато отлично прорезалась реплика победительницы конкурса красоты и племянницы мэра Главной Станции: «Да соси ты, придурок!»

– А Ленка не такая дура, как кажется, – сказал Башмак с порога. Он зашёл и присел на табурет у входа. Следом, волоча ноги, прошла Аня. Она упала в кресло, скинула сапожки.

Ступни были у неё стёрты до крови. Она заплакала. Паркинсон молча взял с полки аптечку, подошёл к внучке. Она обхватила его, прижалась. Он гладил её по голове, а Башмак, отвернувшись от них, продолжил:

– Андрюшке очень не везёт на гостей студии. Прошлый раз он додумался притащить ахта-землепашца. Чтобы тот рассказал, как хорошо всем живётся, заботами заведующих. Ну, ахт и брякнул – очень всем довольны, хозяин – кормят по два раза и даже иногда мясом, а бьют только если норму не выполним и по голове, не больно.

Заметив краем глаза, что Аня успокоилась, забрала у деда аптечку и вытащила пластырь, он поздоровался:

– Привет, Парки.

– Какой я тебе Парки? – зло ответил Паркинсон. – Завадский, Виталий Викторович. Профессор социологии.

9

Сержант Санитарной службы Андрей Каршев с явным неудовольствием разглядывал предъявленные ему документы. Предъявитель, студент Соломатин, вид имел виноватый, переминался с ноги на ногу, краснел, потел и на вопросы отвечал заикаясь. На Серёжу Соломатина ещё ни разу в жизни не направляли автомат. Ему было по настоящему страшно. А они здесь не шутят, думал Сергей, стараясь не встретиться взглядом со строгим сержантом.

– В резервацию мы вас не пустим, товарищ Соломатин, – лениво произнёс Каршев и протянул Сергею просмотренные документы.

– Бумаги не в порядке? – совсем разволновался Сергей.

– В полном порядке, – заверил сержант и поправил ремень автомата. – Только можете ими подтереться. Я подчиняюсь непосредственно начальнику караула. Он, в свою очередь, командиру части. А командир части, полковник Санитарной службы Супогреев, министру здравоохранения.

Про полковника Супогреева Сергей был наслышан. Это он в прошлом году штурмовал подпольный завод по производству генномодифицированных продуктов и приказал открыть огонь на поражение. Тогда «санитары» перебили две сотни персонала и взвод охраны завода.

– Но вот же письмо министра просвещения вашему министру им подписанное, – Сергей затряс перед носом сержанта бумажкой с водяными знаками и кучей разноцветных печатей.

– Ничего не знаю, освободите территорию, – сказал Каршев.

– Я буду жаловаться, – сказал Сергей.

– Студент, – душевно сказал сержант, снимая автомат с предохранителя. – Если я тебя пристрелю, мне отпуск дадут.

Соломатин резко развернулся и быстро потопал прочь от блок-поста. Он не слышал, как Каршев, прижав плотнее к шее кружок ларингофона, произнёс:

– «Гнездо», я «скворец». К бару двигается штатский с пропуском на объект. Передай батю, пусть за ним наружку пустят.

– «Скворец», что за штатский? Инспекция?

– Нет, не инспекция, – Каршев говорил, с трудом сдерживая смех. – Это студент. На практику к нам приехал. В этнографическую экспедицию! Антрополог, мать его...

В баре Сергей подошёл к стойке, оглядел просторное пустое помещение с пластиковыми столами и большущим грязным окном. Это даже не окно было, а настоящая витрина и ей недавно крепко досталось. Длинная трещина пересекала стекло по диагонали, а внизу отчётливо просматривались два пулевых отверстия. Сергей покачал головой и повернулся к бармену. Тот уже нацедил пива в высокий бокал и сочувствующе спросил:

– Не пускает?

– Гнида армейская, строевая, – с чувством ответил Сергей и глотнул пива. Пиво было холодным, но не ледяным, в баре было прохладно и после уличного солнцепёка это было хорошо.

– А тебе значит, очень хочется, – констатировал бармен.

– Вы не понимаете! – загорячился Сергей. – Это же уникальный материал для исследования. Полтора года лет изоляции! Мы же ничего не знаем, что там происходит.

– А значит и не надо нам, – заверил его бармен. – Раз вояки из СС карантин объявили, то нечего туда и нос совать. Мы не лезем, и ты не суйся. А то ещё заразу какую-нибудь притащишь.

– Да нет там никакой заразы!

– Тебе почём знать?

Сергей прикусил язык. То есть буквально выполнил распоряжение своего научного руководителя профессора Науменко. Напутствуя, Юрий Петрович сказал: «Главное, держи язык

за зубами. Пропустят они тебя в резервацию или нет, это дело десятое. Нам просто надо понять, что там вообще происходит. Считай себя разведчиком. Поэтому не болтай!»

– Если там и была какая-то эпидемия, – сказал Сергей, обдумывая каждое слово, – то за сто с лишним лет все кто мог заразиться, уже умерли.

– А пожалуй, что и верно, – легко согласился бармен. – Ты учёный, тебе виднее. Мы люди тёмные, лицеев не кончали.

– Да что вы, – смутился Серёжа, – какой я учёный. Я студент пока, учусь.

Он допил пиво, расплатился и пошёл к выходу. Надо было забрать вещи в камере хранения и устроиваться в гостиницу. А завтра утром первым же антигравом придётся возвращаться в столицу. Накрылась практика, с тоской подумал Соломатин.

– Слышь, не учёный, – окликнул его бармен. – Ты вечером зайти, поищи Пеку.

– Пеку? – переспросил Сергей. – А кто она такая?

– Пека не «она», а «он», – усмехнулся бармен. – Фамилия у него – Пеклеванный. Поговори с ним. Только я тебе, ясное дело, ничего не рассказывал.

– Конечно, не сомневайтесь, – закивал Сергей.

– И ещё. Ты в следующий раз бумажник вот так наизнанку не выворачивай, чтоб каждому ломовику было видать, что у тебя хрустов немеряно. Ты не в столице, у нас народ грубый бывает. И это последний бесплатный совет.

– Спасибо, – снова кивнул Соломатин.

– Понравился ты мне, – продолжил бармен. – Очень напомнил дружка юности, Юрку Семяцкого. Тоже всё в резервацию рвался, интересно ему было. Там и сгинул.

– А как он туда попал? – тут же спросил Сергей.

– Иди, студент!

– Да. Спасибо вам ещё раз. Я никому... – бормотал Соломатин пятясь к выходу.

Значит, Пека, подумал он уже на улице. Ну, Пека так Пека. И пошёл на вокзал.

10

Рассказ Паркинсона был настолько чудовищным, что не укладывался в голове. Поначалу Башмак ему просто не поверил. Но когда старик достал из тайника древнюю карту, молодой шагатель уже не мог от неё оторваться. А когда сопоставил масштаб с площадью территории внутри Обода, просто обалдел! Сколько земли – шагать, не перешагать! И водные пространства – «моря», и «горы», и какая-то «тайга». И никаких тебе крылатых демонов. У него захватило дух от незнакомых слов и непостижимой огромности мира. А вот Аню больше поразила подлинная история резервации.

– Значит мы все больные? – спросила она.

– Правильнее сказать, что вы все уроды, – безжалостно ответил Завадский. – Жертвы генетических экспериментов. Мутанты. Чёрт, вы же и слов таких не знаете! Короче, главное чтоб вы поняли: шагатели – я, ты, он – наиболее похожи на людей за Ободом Колеса. Мы – нормальные.

– Но в Инструкции сказано: «Блаженны верноколёсные на колёсах, ибо уподобятся они Колесу Изначальному».

– Забудь ты про инструкцию! – заорал профессор. – Я сам её сочинял. Я и два таких же идиота, которым удалось, исследуя собственный генетический материал, безмерно продлить себе жизнь. Мне почти двести лет! У меня ни одного седого волоса!! Если бы не болезнь, я бы моложе этого щенка выглядел!!!

– Ты не мой дедушка? – со страхом спросила Аня. На глазах у неё навернулись слёзы.

– Я твой пра-пра-пра и не знаю сколько ещё раз прадед.

– А синие полосочки, это что? – спросил Башмак.

– Реки, – с отвращением ответил Завадский.

– Реки, – заворожённо повторил Башмак. – А вот тут гора, больше восьми тысяч метров, это не опечатка?

– Нет.

Башмак даже застонал от восторга.

– А зачем? – снова спросила Аня. – Зачем надо было врать, придумывать всё это? Ты говорил, даже новые книги печатали, где нет упоминания о мире за Ободом, старые сжигали. Религию придумали... Зачем?

– Из самых благих побуждений, – заверил её Завадский. – Все гадости, Анечка, всегда делаются из желания добра потомкам. Мы не хотели, чтоб дети чувствовали себя ущербными. Когда стало ясно, что с территории объекта уже никто никогда не выберется, нами были брошены все резервы на создание собственного локального мира. Да, переписывали книги, картины, стихи и песни. По сути, мы создали уникальную культуру, и у нас неплохо получилось, если за несколько поколений никто не догадался об её искусственном происхождении. Ты пойми, и у аров, и у лебов интеллектуальные способности намного превышают среднестатистические за Ободом. Но они никогда не смогут их применить ни на что, кроме как на разгадывание кроссвордов и игры. Шахматы, ребусы, шарады – достойное применение для интеллектуальной элиты! Да ещё и атрофия нижних конечностей, побочный результат, на который поначалу не обратили внимания, а он взял да и закрепился в популяции. У ахтов атрофия мозга, у стражников вообще редукция конечностей...

– Люди за ободом боятся нас, потому что мы умнее?

– Они боятся нас, потому что мы другие. И правильно делают. Это страшно подумать, что будет, если наших уродцев выпустить в большой мир.

– А ведь Тапок говорил что-то подобное, – наконец оторвался от карты Башмак. – Дескать, должны быть за Ободом другие ары, которые типа и делают всё то, что мы из Дара

Колеса получаем. Он поэтому к Ободу и поперся, не поверил, значит, что там «смерть и пустошь». А я подумал, что он свихнулся.

– Он не свихнулся, – профессор открыл пузырёк с лекарством, вытряхнул на ладонь две капсулы и закинул в рот. Запил холодным чаем. – Тапок результат самой удачной мутации за сто лет. Я давно за ним наблюдаю. Он нормален физически, а способность к абстрактному мышлению просто феноменальная. Он доказательство того, что эксперимент надо продолжать. Он наша единственная надежда убедить людей за Ободом в возможности у нас положительных мутаций. Он наш пропуск в большой мир. Поэтому его, во что бы то ни стало надо спасти.

– Спасать его конечно надо, – согласился Башмак. – Он мужик правильный, шагатель прирождённый. Не знаю, как там у него насчёт абстрактного мышления, но он же учитель мой! Он же меня пацаном натаскивал на лыжах по зыбучке бегать, барахло в развалинах искать, маршрут в пустыне прокладывать. Как родители у меня под Гневом Колеса погибли, он меня и взял в ученики.

– И у меня тогда погибли, – сказала Аня. – Дед. А что такое тогда Гнев Колеса, если это не гнев колеса?

– А это, Анечка, был ракетный обстрел. Это нас всех убить хотели. Но вот почему не добились, я понять не могу.

Завадский встал, прошёл к тайнику и вытащил небольшой свёрток. Вернулся, положил на стол перед Башмаком, размотал тряпки.

– Это называется видеокамера.

– Знаю, я похожую у Гоши видел. Только у неё аккумулятор совсем дохлый был.

– Отлично, значит знаешь, как пользоваться, – профессор положил руку на плечо шагателя, заглянул в глаза. – Пойдёшь за Обод. Выйдешь к посёлку. Дорогу я расскажу. Снимешь, что за Ободом есть жизнь, есть другие люди. И эти люди все ногами ходят, а не в колясках ездят! Другими словами – добудешь доказательства, что Инструкция врёт. И на суде я предъявлю это как основание для освобождения Тапка.

– Ха, – сказал Башмак. – Так тебя Спицы и послушают!

– Это не твоя забота! – прикрикнул Завадский. – Как со Спицами разговаривать, предоставь мне решать. От тебя требуется, за Обод сходить и съёмку сделать.

– Ну, что ж, можно и сходить, – степенно заявил Башмак, хотя внутри у него всё замерло от перспективы выйти в большой мир. Может реку повезёт увидеть. Или гору. – Тем более у меня и карта есть!

И он важно выложил на стол карту с тайными тропами.

– Балбес ты всё-таки, Башмак, – Завадский с жалостью посмотрел на шагателя. – По этой карте Тапок ходил. И его повязали.

– Да, – сказал Башмак обескураженно. – Это я не подумал.

– Я вот чего не понимаю, – сказала Аня. – Кто его повязал? Ведь не стража заведующих на костылях в пески прискакала! Шагателя могли задержать только другие шагатели.

11

Тапок от души веселился глядя на толпу лебов, собравшихся под окнами изолятора. Мастерские съезжались тихо, как бы по делу, но о делах никто не разговаривал, все поглядывали на шагателя, выглядывающего из-за решётки. Охранявший Тапка ахт попытался укатить за стражниками, но ему под колёса бросили бревно, и он раз за разом пытался форсировать препятствие, не догадываясь его объехать.

– Эдак над безмозглыми только детишки издеваются, – сказал Тапок, – а тут, кажись, люди взрослые все собрались. Зачем пожаловали, верноколёсные? Чем обязан таким вниманием?

Мастер Гоша, огляделся по сторонам, подъехал ближе и спросил:

– Брешут про тебя или правда ты к Ободу ходил?

– Кузнец, а ты не боишься, что тебя за такие вопросы рядом со мной на колесе вздёрнут? –

Тапок очень похоже спародировал Александра Борисовича, когда он проповедуя, грозил пастве карами Колеса за неприлежность в обрядности.

– Опасаюсь, конечно, – Гоша почесал лысину и вздохнул. – Но вот только верноколёсные очень интересуются, что такого ты там увидел, если Спицы тебе так шустро решили рот заткнуть? Ведь казней с дней Гнева не проводили...

– А тебя значит, уполномочили за всех отдуваться? Сами-то ссут, в сторонке ёрзают.

– К чему же всем на плаху иттить? – резонно заметил кузнец.

– Мудр народ, – рассеянно сказал Тапок, над чем-то напряжённо размышляя. Ах вы суки, подумал он. Я вас самих на колесе растяну. Он очень чётко понял, как ему спастись. Важно было не переиграть. Он принял скорбный вид и продолжил:

– Молодцы какие! Сообразили, что не хотят Спицы, чтоб я правду поведал.

– Ну, мы само собой, не такие башковитые, как благородные ары, в шахматы не играем, но соображалка кой-какая всё же имеется, – довольно ответил Гоша и тут же заинтересовался: – А про какую правду ты речь ведёшь?

– Истину! – завопил шагатель так, что лебы отпрянули, а Гоша аж сгорбился в кресле. – Истину узрел за Ободом!! Чуть не сгинул в Запретных землях! В глаза смотрел демонам пустоши и пекло мрака опалило душу мою.

Он рванул на груди рубаху и замотал башкой, застонал, зажмурился. Понятно стало, что мучается человек, страшную тайну постиг и плохо ему от этого. Забыв про страх лебы подъехали вплотную, толкаясь колесами потянулись к Тапку, вытянули шею, вслушиваясь, потому что с крика шагатель перешёл на сбивчивый шёпот:

– Во грехе живём, праведники наши ложны, а проповедники лживы, не пощадят демоны никого, Колесо прогневалось и снова полетит с неба огонь, если не вернёмся к истинной вере...

– Неужто демонов видел? – недоверчиво спросил Коля-кондитер.

– Зрел, – веско ответил Тапок. – Как тебя сейчас. Ох и смердят отродья пустошей! И голос имеют громоподобный.

– Иди зефирки выпекай, – сказал Гоша и дал Коле по шее. Его поддержали и выпихнули Колю из круга. А пока все были заняты кондитером, к решётке протиснулась Леночка Азарова.

– Тапочек, я тебе пирожков привезла, с картошечкой, как ты любишь, – сказала она, пытаясь поймать взгляд шагателя. – Возьми покушать.

Вот дура, как не вовремя, подумал Тапок, выхватил у Ленки свёрток с пирожками и торжественно объявил:

– Приезжайте на судилище несправедное, что надо мной учинить собираются. Там истину вам поведаю.

– А ну разъедьсь!! – закричал мэр Главной Станции Алексей Азаров. – Всех вас в изолятор позапрём сейчас, бунтовщики! Кто велел собираться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.